

ФРОНТОВЫМ МЕДИКАМ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Подвиг медиков-фронтовиков в нашей стране отмечен десятками различных памятников. Как правило, это скромные знаки. Один из них – монумент «Медикам-героям Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» – находится на Девичьем поле в Москве.

Идея увековечить подвиг сотрудников старейшего медицинского вуза страны – Первого Московского медицинского института имени Сеченова (ныне Московская медицинская академия), среди которых было немало фронтовиков, возникла еще в дни празднования двадцатилетия Великой Победы. Ее инициатором стал участник войны, тогда заведующий кафедрой истории медицины профессор Михаил Кузьмин.

Но вскоре первоначальная идея выплыла в намерение запечатлеть для потомков подвиг медиков-героев всей страны. Сооружался памятник на народные средства – по подписным листам было собрано около двадцати тысяч рублей, а скульптор Л.Е. Кербель и архитектор Б.И. Тхор выполнили работу бесплатно. Их замысел воплотили в материале мастера Мытищинского завода художественного литья, и 5 мая 1972 г. на территории института памятник был открыт.

То, что памятник установлен именно здесь, закономерно, – рассказывает профессор Кузьмин. – В первые же дни войны институт мобилизовал все силы для организации отпора врагу: более половины профессорско-преподавательско-

го состава и студентов ушли в действующую армию. На фронт были мобилизованы 6 профессоров, 14 доцентов, 66 ассистентов, 62 врача-ординатора, 4 аспиранта, 47 медсестер, 14 лаборантов и свыше 500 студентов. Большинство врачей первого выпуска военного времени оказались в войсках. Летом 41-го студенты младших курсов рыли окопы и строили оборонительные сооружения в районе Вязьмы...

Доктор медицинских наук, профессор, историк Михаил Кузьмин сам прошел войну, что называется, от звонка до звонка. В составе 363-й Уральской стрелковой дивизии участвовал в Ржевской битве, спасал жизни раненых бойцов и командиров. За бои под Ржевом в июле 1942 года награжден орденом Красной Звезды. Профессор Кузьмин активно способствовал присвоению городу Ржеву, где является почетным гражданином, звания «Город Солдатской Славы». 11 апреля 1945 года западнее Вены, почти за месяц до конца войны, он был тяжело ранен, потерял руку. Окончил 1-й Московский медицинский институт уже после войны.

– В 41-м вместе с рабочими, – продолжает Михаил Кузьмин, – студенты строили дзоты, противотанковые сооружения, а в сентябре были отозваны в институт.

Учиться, однако, не пришлось: враг приближался к Москве, и многих студентов мобилизовали в действующую армию. Остальные вместе с преподавателями ухажи-

ва в клиниках за ранеными, несли дежурства в системе противовоздушной обороны. И все же второй выпуск врачей военного времени был подготовлен. Всего за годы войны институт отправил на фронт 2632 врача. Лучшие медики института работали на ответственных должностях. Так, академик Н.Н. Бурденко был главным хирургом Красной Армии, профессор А.Л. Мясников – главным

терапевтом Военно-Морского Флота, профессора М.Н. Ахутин и В.И. Стручков служили главными хирургами фронтов, профессор Б.В. Петровский, И.С. Жоров, Е.С. Шахбазян, В.А. Иванов, Д.А. Мартынов, Н.А. Баяндин – армейскими хирургами. Фронтowymi и армейскими терапевтами работали профессор В.Х. Василенко, Ф.Р. Бородулин, В.И. Иванов-Незнамов, З.А. Бондарь, А.Г. Гукасян и другие. Противовирусную службу фронтов, армий, дивизий возглавляли Ф.Ф. Талызин, С.И. Каплун, И.Н. Попов, М.В. Ананьин...

– В дни битвы за Москву раненые с передовой поступали непосредственно в клиники 1-го ММИ, – говорит Михаил Кузьмин. – 33-й распределительный эвакуационный Западного фронта занял тогда все полторы тысячи наших клинических коек для раненых и больных. В 1941 г. Н.Н. Бурденко писал: «Все силы посвящу служению Родине... буду высоко держать знамя нашего родного института». Академик сам сутками не отходил от операционного стола, в мае 1943 г. он первым из медиков был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

вали в клиниках за ранеными, несли дежурства в системе противовоздушной обороны.

И все же второй выпуск врачей военного времени был подготовлен. Всего за годы войны институт отправил на фронт 2632 врача. Лучшие медики института работали на ответственных должностях. Так, академик Н.Н. Бурденко был главным хирургом Красной Армии, профессор А.Л. Мясников – главным

...Каждый раз, когда страна отмечает годовщину Великой Победы, Михаил Кузьмин вместе с преподавателями и студентами старейшего медицинского института, друзьями-ветеранами приходит на торжественный митинг к монументу, созданию и его усилиями, чтобы почтить память товарищей-медиков, которые не вернулись с войны.

Владимир ПОТРЕСОВ
Фото автора

ГОД 41-й. ТАБЕЛЬ УСПЕВАЕМОСТИ

В 41-м нас, десятилетних ребят из дома 22/24 по Товарищескому переулку, определили на работу в совхоз в Текстильщиках – они были тогда за городской чертой. Старшим достался труд тяжелее: мой брат, например, после окончания ремесленного училища № 26 трудился на авиационном заводе, а сестру направили на лесозаготовки в соседнюю область. Так с началом войны начал воплощаться для нас лозунг «Все для фронта, все для победы!». Даже сейчас кажется удивительным: на сезонной работе нам вместо детских выдавали рабочие продуктовые карточки. Сегодня трудно представить, но мы, дети, получали по карточкам и сливочное масло, и сахар, и другие важные продукты – в трудный час страна заботилась о подрастающем поколении.

Мы, десятилетние, отправлялись на работу с платформы Москва-товарная, до которой топали от нашего переулка к Заставе Ильича. Перед входом на платформу нас встречал вооруженный патруль.

Бывало, идешь по безлюдным улицам, а из подъездов машут дружинницы: «Сюда, ребята, воздушная тревога!» Тут уж во весь дух мчались, чтобы поспеть в бомбоубежище, устроенное в том числе в нашей пятиэтажке. О недавнем поспешном строительстве здесь говорил запах свежего бетона: решение правительства о дополнительных мерах по защите населения и объектов народного хозяйства от воздушного нападения было принято буквально накануне войны. Тяжелая толстая дверь убежища внушала детский страх.

Нередко вечерами почти в одно и то же время под завывание сирен голос диктора твердил: «Граждане, воздушная тревога! Граждане...» Мама брала на руки маленького брата, зеленую сумочку, и мы отправлялись в убежище. Бомбы падали рядом. В Факельном переулке прямым попаданием разрушило пятиэтажный дом, мощный фугас разорвался рядом с бывшей районной поликлиникой № 4. Глубокая воронка появилась перед булочной, на территории детского сада бомба угодила в помойную яму. Ударной волной выбило стекла в нашем доме.

Во дворах стояли ящики с песком, бочки с водой, на чердаке – тоже мешки с песком. Сестру перевели дружинницей в группу самообороны, и она знала, как гасить зажигалки и действовать в чрезвычайных ситуациях.

В квартирах широкие рулоны черной бумаги служили для светомаскировки. Все лампы заменили на синие, стекла заклеивали крест-накрест бумажными лентами. В доме держали керосиновые лампы, причем керосин в лавках всегда можно было купить по талонам. Вздущийся дубовый шпон на моем старом буфете напоминает о печке-буржуйке, которая у нас была установлена рядом с ним в начале войны.

До войны сестра пела в Московском детском хоре. Узнав, что руководитель хора собирается разломать на дрова крышку рояля, она отвезла ему связку собранных по окрестностям дощечек.

Словом, лозунг «Все для фронта, все для победы!» не столько декларировался директивами сверху, а воплощался смекалкой и инициативой простых москвичей. А сколько людей пожертвовали личные сбережения, отдали ценностью на создание военной техники, посылали на фронт посылки!

Как-то сестра собрала небольшую посылочку, вложила туда вышивку, какие-то мелочи и свою фотографию. Завязалась переписка с молодым командиром. Но вскоре пришло извещение: «Лейтенант Мороз...» – и фотография вернулась. Потом были другие письма от фронтовиков, но долгая переписка не получалась.

Одно воспоминание начала войны до сих пор вызывает противоречивое чувство. Во втором подъезде жила немецкая семья, которую выселили за то, что во время налета в их окне якобы горел свет. Нам в это не очень верилось – все знали, что Герхард был отличным парнем. Помню пожилую женщину, которая, стоя возле булочной, робко просила и очень благодарила за довесочки хлеба. Их нарезали к пайке острым мокрым ножом...

Когда заработали школы, выявился острый дефицит бумаги, и классные руководители расчерчивали наши таблицы успеваемости на тетрадных листках. До сих пор бережно храню эти пожелтевшие листки. И несмотря на лишения, голод и холод, самым светлым в жизни воспоминанием останется праздник Победы: вечернее небо в лучах прожекторов, громовые раскаты орудий. Такого салюта и такого народного ликования больше не было никогда!

Карлен ГАРЯН

Позвонил участнику Великой Отечественной войны, историку Юрию Александрову, автору свыше двадцати книг о Москве, в том числе по москвоведению, поинтересовался, как прошел для него прошлый год – год юбилея Великой Победы.

– ...А вот путевку в санаторий мне не дали, – закончил рассказ Юрий Николаевич. Пришлось попросить его открыть подробности.

В последний раз он отдыхал в санатории «Артем» под Москвой в 2002 году – тогда еще собес раз в два года предлагал путевки инвалидам и участникам ВОВ.

А в год юбилея ветеран сам решил попросить путевку на осень. В собесе, однако, сообщили, что теперь этими делами занимается Фонд социального страхования. Александров обратился к социальному работнику, который прикреплен к нему как к ветерану-инвалиду, с просьбой съездить на Озерковскую набережную в филиал № 7 – этот филиал обслуживает район Аэропорт, где живет Юрий Николаевич. Но представителя Александрова там не приняли, сообщив, что ветеран сам должен приехать и написать заявление на отдых.

Александров отправился на Озерковскую, отсидел несколько часов в очереди, пока не объявили, что филиал закрывается. «Примем в виде исключения, – сжалилась сотрудница, приняла заявление и сообщила: – Ждите, мы вам позвоним».

ПРОСТО ЗАБЫЛИ ПОЗВОНИТЬ?..

Увы, на этом история и заканчивается. Никто более о ветеране не вспомнил. Александров пытался связаться с филиалом фонда, но дозвониться так и не смог.

Я решил прояснить случившееся, поговорив с заведующей филиала № 7 Фонда социального страхования Татьяной Игониной.

– Действительно, Ю.Н. Александров представил документы 6 сентября 2005 года для получения санаторно-курортной путевки в санаторий Подмоскovie на октябрь – ноябрь 2005 года, – цитирую Татьяну Алексеевну слово в слово. – Однако действующим законодательством Российской Федерации не предусмотрены случаи первоочередного обеспечения санаторно-курортным лечением. Московским региональным отделением фонда в 2005 году при выдаче путевки на санаторно-курортное лечение приоритет отдавался в первую очередь участникам и инвалидам Великой Отечественной войны. Однако, в связи с тем что участники и инвалиды Великой Отечественной войны – это люди преклонного возраста, им, как правило, лечащим врачом рекомендовано санаторно-курортное лечение в регионе проживания, то есть в Подмоскovie. В связи с высокой потребностью в путевках на санаторно-курортное лечение в санатории сердечно-сосудистого про-

филия именно в Подмоскovie среди указанных граждан также установлена очередность для получения путевки на санаторно-курортное лечение.

Вы что-нибудь поняли? Я – нет, поскольку таков стерильный образец чиновничьей отговорки! Может быть, в филиале № 7 просто телефон Александрова потеряли? Не тут-то было: лишь только Т. Игониная узнала, что за разъяснениями обратилась «Московская среда», как в тот же день «вспомнили» о ветеране, позвонили ему – и путевка в санаторий, представьте, нашлась – чуть не завтра!

– Александрову была предложена путевка в санаторий «Тишково» (Московская область) с 17 января 2006 года. Однако от путевки на этот период Александров Ю.Н. отказался и просил предоставить ему путевку в апреле 2006 года, – сообщила позже Т. Игониная.

Можно согласиться, что новая система распределения путевки ветеранам и инвалидам ВОВ только налаживается, и отдельные сбои неизбежны. Трудно, однако, понять, почему сотрудники филиала № 7 фонда не сделали простой вещи: не позвонили ветерану и не сообщили, когда смогут предоставить ему путевку. Ведь так просто было проявить обычное человеческое внимание! Не сообщили также, что граждане, имеющие право на получение соци-

альной помощи, вправе представить необходимые документы и получить санаторно-курортную путевку через доверенное лицо (представителя) – по доверенности, оформленной в соответствии со статьей 185 Гражданского кодекса РФ, и документу, удостоверяющему личность.

– У нас работают очень чуткие и заботливые люди, – защищала честь мундира заведующая филиалом № 7.

Ой ли! Московское правительство в год юбилея Великой Победы, казалось, сделало все, чтобы каждый участник ВОВ не оказался забытым. Но ответственность за наших немногочисленных, увы, ветеранов лежит на тех, кто непосредственно занимается простейшей работой по обеспечению героев всем необходимым.

Конец этой истории – как в Голливуде: Юрию Николаевичу позвонили, извинились, объяснили задержку, и он согласился поехать подлечиться в санаторий нынешней весной. Но у нас в редакции осталась тревога: единственный ли это случай? Вот почему мы просим тех ветеранов ВОВ, по отношению к которым проявляется невнимательность или бестактность, сообщить об этом в газету «Московская среда». Мы постараемся разобраться и помочь.

Владимир ПОТРЕСОВ